

но повторявшееся в истории человечества. Герои романа размышляют, пытаются истолковать Евангелие. Поп-расстрига отец Андрей пишет книгу «Суд Христа» — возникает мысль, что помимо Иуды был какой-то второй, тайный предатель Христа. Д. ставит некоторых своих героев в ситуацию взаимного предательства. Тема предательства исследуется Д. пристрастно. Символична финальная сцена романа, где художник Калмыков рисует сидящими на одной скамейке выгнанного из органов следователя, пьяного осведомителя и главного героя романа Зыбина — «хранителя древностей». Возникает страшное подобию евангельской ситуации.

В литературоведческой статье **«Ретлендбеконсоутгемптоншекспир»**. **О мифе, антимифе и биографической гипотезе»** (Вопр. лит.-ры. 1977. № 1) Д. обобщил опыт своей работы над худож. воссозданием образа Шекспира, высказал суждения о биографическом жанре. Над тремя новеллами о Шекспире Д. работал в 1960-е: **«Смуглая леди сонетов»**, **«Вторая по качеству кровать»**, **«Королевский рескрипт»**. Они прорецензированы известным шекспироведом А. Аникстом (Новый мир. 1977. № 1). Новеллы Д. предлагают худож. гипотезу прочтения биографии Шекспира. Она убедительна, т. к. опирается на умение широко образованного писателя по-исследовательски осмысливать небогатый фактический материал и благодаря обостренной творческой интуиции разгадывать сюжеты судьбы Шекспира. Образы Шекспира, смуглой леди, Бербеджа, Анны Шекспир предстают в новеллах убедительными характерами. Д. удалось избежать модернизации героев.

На протяжении всей жизни Д. писал стихи. Первая подборка из трех стих. под названием **«Каменный топор в музее Казахстана»** увидела свет в «Казахстанском современнике» (1939). Наиболее значительны **«Лагерные стихи»**. Д. не стремился их публиковать. Поэтическое наследие Д. не исследовано, есть отд. публикации его стихов в альм. «Конец века» (М., 1991. Вып. 3. С. 322–334), в изд. романа «Факультет ненужных вещей» (М., 1990. С. 584–590). Гневные, страстные стихи Д. обличают зло, поэт не прощает мучителей и палачей. Лирический герой мужествен, нравственно свободен («Нет, нет и нет! / Сто тысяч разных нет / В одну и ту же заспанную морду»).

Д. много занимался переводами. В его переводах выходили произведения казахских писателей И. Есенберлина, Е. Исмаилова, С. Муканова и др. О своем творчестве Д.

пророчески сказал: «Я жду, что зажжется искусством / Моя нестерпимая боль». Литературоведению еще предстоит осмысление незаурядного лит. наследия Д.

Соч.: СС: в 6 т. / ред.-сост. К. Турумова-Домбровская; предисл. М. Латышева. М., 1992; Хранитель древностей: Роман. Новеллы. Эссе. М., 1991; Из писем к другу // Домбровский Ю. Хранитель древностей. Факультет ненужных вещей. М., 1990. С. 198–200.

Лит.: Проскурин В. Н. В расцвет мой, смятый шествием беды. Алма-Ата, 1990; Рассказы. Стихи. Роман / сост. Л. Быков. Екатеринбург, 2000; Уфактория: Роман. Письма. Эссе. Екатеринбург: Уфактория, 2000; Турков А. Что же случилось с Зыбиным? // Знамя. 1989. № 5; Светов Ф. Чистый продукт для товарища // Новый мир. 1992. № 9; Лурье Я. С. Размышления о Ю. Домбровском // Звезда. 1991. № 3; Тхоржевский С. Непокойный писатель. К 80-летию Юрия Домбровского // Звезда. 1989. № 7; Переписка Я. С. Лурье с Ю. О. Домбровским // Звезда. 2001. № 5; Лурье Я. С. Новоявленность в систему (Булгаков, Ильф и Петров и Домбровский). In memoriam. Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997; К 80-летию со дня рождения Ю. О. Домбровского. Алма-Ата, 1990; Косенко П. П. Письма друга, или Щедрый хранитель: Историческая хроника. Алма-Ата, 1990; Золотусский И. П. Исповедь Зоила. М., 1989. С. 218–232; Латынина А. Н. За открытым слагбаумом. М., 1991. С. 218–228; Штокман И. Стрела в полете. Уроки биографии Ю. Домбровского // Вопр. лит.-ры. 1989. № 3; Зверев А. Глубокий колодец свободы: Над страницами Юрия Домбровского // Лит. обозрение. 1989. № 4; Непомнящий В. Ното Liber (Юрий Домбровский) // Домбровский Ю. Хранитель древностей: Роман. Новеллы. Эссе. М., 1991; Берзер А. Хранитель огня // Домбровский Ю. Хранитель древностей. Факультет ненужных вещей. М., 1990; Сотникова Т. Непойманный хранитель: О Юрии Домбровском // Вопр. лит.-ры. 1996. Вып. 5.

А. И. Филатова

ДОН АМИНАДО (настоящее имя Аминад Петрович (Аминодав Пейсахович) Шполянский) [25.4(7.5).1888, г. Елизаветград Херсонской губ.— 14.11.1957, Париж] — поэт, мемуарист.

Родился в мещанской семье. После окончания Елизаветградской классической гимназии (1906) поступил на юридический ф-т Новороссийского ун-та в Одессе. Весной 1910, в канун гос. выпускных экзаменов, когда по ун-ту распространилась весть о циркуляре: «половину всех экзаменующихся резать <...> и елико возможно сократить таким образом непомерное количество будущих правоведа с неизбежной революционной прослойкой...» (Поезд на третьем пути. С. 68), Д. А. перевелся в Киевский ун-т св. Владимира, где успешно выдержал выпускные экзамены, по-

Дон Аминадо

лучив диплом II степени. Тогда же приехал в Москву, служил помощником присяжного поверенного и одновременно постоянным сотрудником газ. «Раннее утро». Выступал также со стихами, фельетонами, лит. пародиями и эпиграммами в «Одесских новостях», «Нови» (под псевдонимом Гидальго), «Утре России», «Руси», «Будильнике», «Красном смехе». Осенью 1910 в качестве корреспондента елизаветградской газ. «Голос Юга» присутствовал на похоронах Л. Н. Толстого, которые позднее описал в своих мемуарах. В 1914 Д. А. был мобилизован и отправлен на фронт, в 1915 получил ранение. Написанные в эту пору стихи на военную тему составили первый сб. поэта «**Песни войны**» (1914; изд. 2-е, доп.— 1915). Жестокая реальность войны обнаруживала противоречивость авторской позиции. Одержимый всеобщим патриотическим подъемом, поэт понимает неизбежность человеческих жертв ради достижения всеобщей победы, в то же время его страшат кровь и страдания людей, разрушительный характер войны, несущий угрозу существованию мировой культуры («**Бельгия**», «**Реймский собор**», 1914–15).

В название одного из стих. поэт выносит неразрешимый вопр.: «**Кто прав?**» (1915). Сб. «Песни войны» успеха Д. А. не принес, хотя выдержал 2 изд. В 1914 Д. А. вступает в общество деятелей периодической печати и лит-ры. С этого времени он посещает лит.

кружок свояченицы В. Я. Брюсова Б. М. Рунт, где встречается с такими известными литераторами, как И. А. Бунин, В. Ф. Ходасевич, В. В. Маяковский, В. Г. Шершеневич и др. В издаваемом Б. Рунт ж. «Женское дело» Д. А. печатает стихи «**Из альбома пародий**» (1915), циклы рассказов «**Записки романтика**», «**Маленькие рассказы**» (1916) и др. С 1916 Д. А. становится сотрудником сатирического еженедельника «Новый Сатирикон», знакомится с ведущими авторами ж.— А. Аверченко, Сашей Черным, Н. Тэффи, В. Горянским, Н. Агнiewiczевым, П. Потемкиным, художником Ре-Ми (Н. В. Ремизовым-Васильевым). В ж. печатались пародии и миниатюры Д. А. В эту пору он приобрел известность как газетный юморист ежедневными прозаическими и стихотворными фельетонами и пародиями на своих собратьев по перу — В. Я. Брюсова, А. А. Блока, К. Д. Бальмонта и др., а также представителей сановных кругов и лиц, к ним приближенных. Широкое распространение получила эпиграмма на Г. Распутина: «Была война, была Россия. / И был салон графини И., / Где новоявленный мессия / Хлебал французское Аи». Стихи Д. А. заметно выделялись в потоке газетной и журнальной продукции «остротой гротеска, неожиданностью образа, красотой рифмы» (Кулисы. 1917. № 20. С. 5). В 1917–18 Д. А. сотрудничал в московских театральных ж. «Кулисы», «Рампа и жизнь», печатал обзоры, рецензии, фельетоны. Февральскую революцию Д. А. встретил восторженно как радикал-республиканец. Приветствуя свержение монархии, создал в стихах политический памфлет в 6-ти картинах «**Весна семнадцатого года**», который был выпущен отд. изд. (1917). Поставленная на сцене Нового театра П. В. Кохмановского в мае 1917, пьеса имела шумный успех. Сатирически окрашенные картины последних дней царствования императора Николая II соседствовали в ней с патетическими сценами первых дней жизни после Февральской революции. Октябрьскую революцию, как почти все новосатириконовцы, Д. А. не принял, увидев в ней угрозу демократическим завоеваниям Февраля. Оказавшийся в связи с массовым закрытием газет и журналов в «категории беспризорных», опасавшийся ареста, Д. А. обращается в Комиссариат иностр. дел (к В. М. Фриче), добивается выдачи заграничного паспорта и в 1918 легально уезжает в Киев. Там сотрудничает в газ. «Киевская мысль», «Утро», «Вечер». Из Киева перебирается в Одессу, работает в газ. «Совр. слово». 20 янв. 1920, за несколько месяцев до

поражения Добровольческой армии, Д. А. эмигрировал в Париж. В течение 20 лет, с 1920 по 1940, исключая 3-летний перерыв (с весны 1921 по 1924), Д. А. был постоянным сотрудником крупнейшей эмигрантской газ. «Последние новости», где почти ежедневно появлялись его стихотворные и прозаические фельетоны «на злобу дня». В 1920–21 Д. А. редактировал совместно с А. Н. Толстым двухнедельный ж. для детей «Зеленая палочка», печатался в др. эмигрантских изд. («Свободные мысли», «Иллюстр. Россия», «Спологи»). Книга стихов Д. А. **«Дым без отечества»** увидела свет в парижском изд-ве «Север» в 1921. Тональность ее тонко почувствовал И. Бунин, отмечавший в рецензии: «...главное в его книге, поминутно озаряемой умом, тонким юмором, талантом, — едкий и холодный „дым без отечества“, дым нашего пепелища <...> Аминадо он ест глаза, иногда до слез» (Общее дело. 1921. 27 июня). Оторванный от «быта своего народа <...> аромата отечественной политики», Д. А. направил острое жало своей сатиры на «эмигрантский быт и главным образом на обанкротившиеся либеральные идеологии, то, что теперь любят называть интеллигентщиной» (Русская книга. 1921. № 6. С. 11). Объектом сатиры Д. А. стал во многом близкий самому автору «маленький человек» — интеллигент-либерал, изгнанник, его душевные страдания и житейские неурядицы, пустота эмигрантского прозябания. В лице этого «маленького человека» Д. А. бичевал русскую либеральную интеллигенцию (не отделиая от нее себя): вчерашних «господ отрицателей», «элегантных циников», «скептиков», «прорицателей», «радикалов с прохвостинкой», «критиков», «псалмопевцев грядущей республики» и пр., — всех тех, кто привел Россию к катастрофе: «Ах, вы все гениально предвидели, / Расторопные чижики-пыжики. / Талеираны из города Винницы, / Постояльцы и вечные дачники! / Торжествуйте же, вы, предсказатели, / Игрецы на затейливых дудочках, / Всероссийская голь перекатная / Без души и без роду, без племени» (**«После всего»**, 1919–21). Сатира Д. А. личностна, исповедальна, пронизана духом скепсиса и разочарования: «Ах, как было все равно / Сердцу в царствии потемок! / Пили красное вино / И искали Незнакомок. / Возносились в облака. / Пережевывали стили. / Да про душу мужика / Столько слов наговорили» (**«Свершители»**, 1920). В этом ряду — **«Вселенские хлопоты»**, **«Любители бескровной и святой»** (оба — 1920); **«1920»**, **«Застигнутые ночью»** (оба — 1921) и др. Д. А. вы-

смеивал не только прошлое, но и настоящее «интеллигентщины» — ложь, прожектерство, самообман: «Живем. Скрипим. И медленно седеем. / Плетемся переулками Passi. / И скоро совершенно обалдеем / От способов спасения Руси» («Застигнутые ночью»). «...Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию! — писала Д. А. в 1938 М. И. Цветаева. — Вы ее самый жестокий (ибо бескорыстный — и добродушный) судья. Вся Ваша поэзия — самосуд эмиграции над самой собой» (Новый мир. 1969. № 4. С. 212–213). О стихах политического содержания эмигрантская критика писала: «...политическая сатира Дон Аминадо не всегда удачна. Сатира и насмешка рождаются не от бесстрастного созерцания, не от объективного зарисовывания, а от любви и ненависти... Дон Аминадо хочет быть политическим сатириком, не имея политической почвы...» (Воля России. 1921. 23 июня). Позднее сходные оценки высказал М. Цетлин: «...ему (Д. А. — Ред.) менее всего удаются стихи о Советской России... Он не негодует, а просто вскрывает ту ложь, которой хотят нам заморочить голову» (Совр. записки. 1928. Т. 38. С. 538). В поэтических сб. **«Накинув плащ»** (1928) и **«Нескучный сад»** (1935). Помимо стихов, «Нескучный сад» содержал афоризмы. Об одном из них — «Жорж, прощай. Ушла к Володе! / Ключ и паспорт на комод» — И. Одоевцева заметила: «Целый эмигрантский роман в двух строчках» (Одоевцева И. — С. 96). Критическое отношение к жизни русской эмиграции не меняется, однако желчная, саркастическая интонация, злой скепсис, присущие первым двум книгам Д. А., уступают место незлобивому юмору. Еще недавно советовавший своим соотечественникам «не шляться с мордой освежеванного кролика», Д. А. теперь призывал их к жизнестойкости, стремился вернуть им живое отношение к миру: «Спешите жить и в дни изгнания, / И этим дням ведется счет. / А по руслу воспоминанья / Обратное время не течет» (**«Пока не поздно»**, 1928). В стихах нарастает мотив самоценности человеческой жизни (**«Призыв к бодрости»**, 1926; **«Мадригал»**, 1927; **«Весенний пролог»**, 1928). Жизнь оценивается Д. А. не с позиций исторического и житейского опыта эмиграции, а в свете общечеловеческих ценностей. Былое предстает в светлой дымке печали: «Есть что вспомнить в поздний вечер. / Когда мало жить осталось, / То, чем в жизни этой бременной / Сердце жадно надыхалось!.. / Но один есть в мире запах / И одна есть в мире нега: / Это русский зимний полдень, / Это русский запах снега»

(«Города и годы», 1927). Во многих стихах пронзительно звучат ностальгические мотивы («Татьянин день», 1926; «Жили-были», «Бабье лето», оба — 1927; «Дым», 1928, 1935; «Уездная сирень», 1929–35, и др.). Всепоглощающее чувство тоски по безвозвратно утраченной молодости, милой сердцу России неизменно: «А хотел бы я жить в переулке, / Возле самой Собачьей площадки, / Где арбатские голуби летом / Меж собою по-русски воркуют. / Очень много душа забывает / Из того, что когда-то любила» («Арбатские голуби», 1926). Чувство шемящей грусти часто сводится у Д. А. к старому быту, характерным приметам провинциальной России: «О, помню, помню!.. Рывнул паровоз. / Запахло мятой, копотью и дымом. / Тем запахом, волнующим до слез, / Единственным, родным, неповторимым, / Той свежестью набухшего зерна, / И пыльною, уездною сиренью. / Которой пахнет русская весна, / Прирученная к позднему цветению» («Уездная сирень»). «Благодаря Дон Аминадо,— писал Д. Святополк-Мирский,— мы можем сказать про Париж: „Здесь русский дух, здесь Русью пахнет“ <...> он (поэт.— Ред.) стоит выше партийных и классовых перегородок и объединяет все зарубежье на одной, всем приемлемой платформе всеобщего и равного обывательства» (Евразия. 1929. 5 янв.). В 1931 Д. А. возглавил возобновленный М. Кранихфельдом ж. «Сатирикон» (печатался в нем под псевдонимом К. Страшноватенко), который просуществовал около года. Французский читатель знал Д. А. по сб. юмористических рассказов «*Le rire dans le steppe*» («Смех в степи», 1927), написанному совместно с М. Декобра, и книге афоризмов и каламбуров «*Pointes de feu. Recueil de maximes*» («Светящиеся точки», 1939). В 1934 Д. А. был награжден французским правительством орденом Почетного легиона. Развивая в своей практике традиции русской классической сатиры, Д. А. парадоксально соединил лирику с сатирой. Ему была свойственна лит. игра, стилизация. О своеобразии лирической сатиры Д. А., о значении его творчества писали мн. деятели русской лит-ры. «...Одним из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение», назвал Д. А. близко знавший его И. А. Бунин (Совр. записки. 1927. № 33. С. 523). М. Горький отмечал, что «Дон Аминадо является одним из наиболее даровитых уцелевших в эмиграции поэтов», в стихах которого «отражаются настроения безысходного отчаяния гибнущих остатков российской

белоэмигрантской буржуазии и дворянства» (За рубежом. 1934. № 6. С. 10). «Дон Аминадо,— писал А. Седых,— был сатириком, достойным наследником Козьмы Пруtkова, а по-настоящему он хотел быть только поэтом, писать об уездной сирени и соловьях, о золотом локоне Тани в легкой зимней пороше» (Далекое и близкое. Нью-Йорк, 1962. С. 80). В годы Второй мировой войны Д. А. занимал антифашистскую позицию. Выехав из Парижа, жил в Леонпелье, Эколе-Бен. После войны он жил в Йере (под Парижем), служил в учреждениях, весьма далеких от лит-ры и журналистики. В 1954 в Нью-Йорке вышла книга воспоминаний Д. А. «Поезд на третьем пути». Это, по определению автора, «хроника одного поколения». Построенная по кинематографическому принципу, она пунктирно запечатлела множество живых подробностей лит. жизни дореволюционной России и русского зарубежья. Судьбе своего поколения Д. А. посвятил и последнюю свою поэтическую книгу — «В те баснословные года» (1951). В 1966 архив Д. А. был передан его вдовой Н. М. Шполянской в РГАЛИ.

Соч.: Поезд на третьем пути / послесл. Ф. Медведева. М., 1991; Наша маленькая жизнь: стих., политический памфлет. Проза. Воспоминания / сост., вступ. статья, комм. В. И. Коровина. М., 1994; Парадоксы жизни: стих., воспоминания, афоризмы / вступ. статья, сост. и подгот. текста А. Ф. Маркова. М., 1991.

Лит.: Шаховская З. Отражения. Париж, 1975. С. 227–333; Зильберштейн И. Культурные ценности возвращаются // Советская культура. 1980. 16 мая; Бахрах А. По памяти, по записям: Лит. портреты. Париж, 1980. С. 15–19; Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1990. С. 97–99; Мне необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт... Из парижского архива Дон Аминадо / публ. Н. Б. Волковой // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7; Туниманов Владимир. Письма к Дон Аминадо / Из эмигрантской хроники // Новый ж. 1998. № 3. С. 140–159.

В. Н. Запевалов

ДОРИЗО Николай Константинович [22.10.1923, Краснодар] — поэт.

Д. с детства остро ощутил неразрывную связь красоты природы и поэзии, которую открыл ему Пушкин. Через всю творческую жизнь поэта пройдет пушкинская тема, воплотившаяся в различных жанрах. Д. начал еще в школе писать стихи. 1938 стал для него годом первой публикации, первого ощущения себя поэтом и первого настоящего горя — был арестован и умер в тюрьме отец, впоследствии реабилитированный.